

УДК 32.327

DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-8-76-85

РАСХОЖДЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РФ И ЕВРОСОЮЗА НАЧИНАЯ С СЕРЕДИНЫ 2000-Х ГГ. ПОД ВЛИЯНИЕМ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ГАЗОВЫХ КРИЗИСОВ

DISCREPANCY OF STRATEGIES BETWEEN THE ENERGY DEVELOPMENT STRATEGIES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE EUROPEAN UNION BEGINNING SINCE THE MID-2000S UNDER THE INFLUENCE OF RUSSIAN-UKRAINIAN GAS CRISES

*М. В. Друэз, Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва
m.v.mariya@yandex.ru*

M. Druez, Russian State University for the Humanities, Moscow

Рассмотрено несколько ключевых примеров расхождения стратегий энергетического развития РФ и Евросоюза, начиная с середины 2000-х гг., произошедшие под влиянием агрессивной в понимании европейских партнеров внешней и энергетической политики России — в особенности первых российско-украинских газовых кризисов.

Автор подчеркивает, что проблема энергетической безопасности и энергетической зависимости европейских стран от одного поставщика энергоресурсов приобрела особую актуальность с 2000-х гг. в связи с постоянным увеличением темпов потребления и исчерпанием собственных запасов. Отмечено, что, несмотря на то, что энергетическое партнерство, важнейшим проявлением которого стало начало Энергетического диалога РФ — ЕС в 2001 г., повлияло на сближение Евросоюза и России во внешнеполитических вопросах, начиная с середины 2000-х гг. стали очевидны разные векторы развития энергетической и внешней политики ЕС и РФ.

Доказано, что российско-украинские газовые кризисы, которые трактовались европейскими политиками как угроза энергетической безопасности Европы, послужили важнейшей причиной введения ряда мер и законодательных актов, направленных на снижение роли РФ в обеспечении энергетическими ресурсами большей части Европы и уравнивание условий для стран-импортеров, экспортёров и транзитёров на европейском газовом рынке. Важнейшим законодательным актом, отражающим данную тенденцию, является Третий пакет внутреннего энергетического рынка, принятый в ответ на второй российско-украинский газовый кризис и обязывающий вертикально-интегрированные энергетические компании, работающие на территории ЕС, к которым относится российский «Газпром», разделить бизнес по добыче и транспортировке энергоносителей.

Показано, что другим важнейшим следствием российско-украинских кризисов и примером расхождения стратегий энергетического развития РФ и Евросоюза является выход России из временного применения важнейшего энергетического документа Европейского союза — Договора к Энергетической хартии.

Сделан вывод, что расхождение развития энергетической политики РФ и Евросоюза, начавшееся с середины 2000-х гг., произошло под влиянием изменения понимания РФ из гаранта европейской энергетической безопасности в ее потенциальную угрозу, а также связано со стремлением Еврокомиссии строить газовые отношения в рамках новых бизнес-моделей, добиться повышения конкурентоспособности и прозрачности европейского газового рынка.

Ключевые слова: энергетическая зависимость; стратегия развития энергетических отношений; газовые кризисы; Договор к Энергетической хартии; Третий энергетический пакет Евросоюза; внешняя политика; энергетическая безопасность; экспортная политика; энергетический рынок Европейского союза; энергетическое партнерство

In this article several key examples of the divergence of the energy development strategies of the Russian Federation and the European Union since the mid-2000s, which occurred under the influence of Russia's aggressive foreign and energy policy in the understanding of the European partners, especially the first Russian-Ukrainian gas crises, are analyzed.

The author emphasizes that the problem of energy security and energy dependence of European countries from a single energy supplier has acquired special relevancy since the 2000^s due to a constant increase of consumption rates and exhaustion of the own reserves. The author comes to the conclusion that despite the fact that the energy partnership, the most important manifestation of which was the beginning of the EU-Russia Energy Dialogue in 2001, influenced the rapprochement of the European Union and Russia in foreign policy issues, beginning since the mid-2000^s, different vectors of the development of the energy policy of the EU and Russia have become apparent.

The author proves that the Russian-Ukrainian gas crises, which were interpreted by European politicians as a threat to the energy security of Europe, were the most important reason for the introduction of a number of measures and legislative acts aimed at reducing the role of the Russian Federation in providing energy resources for the big part of Europe and equalizing the conditions for importers, exporters and transit countries in the European gas market. The most important legislative act reflecting this trend is the Third package of the EU, adopted in response to the second Russian-Ukrainian gas crisis and obliging vertically integrated energy companies operating in the EU, to which the Russian Gazprom belongs, divide their business of extraction and transportation of energy sources.

The article shows that another important consequence of Russian-Ukrainian crises and an example of the divergence of energy development strategies between the Russian Federation and the European Union is Russia's withdrawal from the temporary application of one of the most important energy document of the European Union – the Energy Charter Treaty.

The author concludes that the discrepancy of the Russian Federation and the European Union's energy policy, which began in the mid-2000s was influenced by changes in the understanding of the Russian Federation as a guarantor of European energy security in its potential threat, as well as the desire of the European Commission to build a gas relations is based on the new business models and to increase the competitiveness and transparency of the European gas market

Key words: energy dependence; energy relations development strategies; gas crises; Energy Charter Treaty; Third Energy Package of the European Union; foreign policy; energy security; export policy; energy market of the European Union; energy partnership

Введение. Начиная с 2000-х гг., в политике Евросоюза (ЕС) наметилась яркая тенденция повышения значимости концепта «европейская энергетическая безопасность», что породило важнейшие последствия как для европейских стран, так и для России. Во-первых, в целях повышения европейской энергетической безопасности Еврокомиссия начала принимать меры по диверсификации энергетических ресурсов (что проявилось в активном внедрении и субсидировании возобновляемых источников энергии). Во-вторых, осознавая необходимость увеличения экспорта углеводородов в страны Европейского Союза, Еврокомиссия стремилась построить благоприятные политические и партнерские энергетические отношения со странами-экспортерами энергетических ресурсов (что проявилось в улучшении политическо-

го взаимодействия с Россией и начале Энергетического диалога Россия – ЕС в 2001 г.). В-третьих, происходит расширение сферы регулирования и перенесение на наднациональный уровень решения вопросов энергетической политики и безопасности (что проявилось в законодательных актах Еврокомиссии, затрагивающих положение третьих сторон и направленных на регулирование энергетических отношений со странами, не входящими в Европейский союз).

С момента начала официального энергетического сотрудничества РФ и ЕС как надгосударственного образования можно говорить о достаточно сложном и противоречивом характере отношений, на которые влияет множество как стимулирующих, так и тормозящих развитие факторов. С одной стороны, европейские страны вы-

нуждены покрывать свои энергетические потребности за счет экспорта углеводородов, а географическая близость с РФ, существующие тесные экономические связи и инфраструктура способствуют данному сотрудничеству. С другой стороны, внешнеполитический контекст, развитие внешней и внутренней политики России не в рамках европейских институтов и ценностей провоцирует множественные проблемы в налаживании взаимовыгодного сотрудничества. Уже в середине 2000-х гг. стало очевидно, что говорить о едином векторе развития внешней и энергетической политики России и Евросоюза не представляется возможным.

Кроме того, принципиальным вопросом является расхождение позиций отдельных стран ЕС относительно развития политических отношений и энергетического партнерства с Россией. Как отмечают ученые Центра исследований европейской политики К. Эгенхофер и А. Бехренц, страны бывшего СССР были заинтересованы в снижении энергетических связей с Россией и уменьшении зависимости от российских углеводородов, в то время как Германия вплоть до второго энергетического кризиса с Украиной (2009) стремилась к расширению энергетического партнерства и развитию долгосрочных политических отношений [18]. Эксперт по вопросам внешнеэкономической деятельности И. Н. Матвеев соглашается с данной точкой зрения, отмечая, что Европейский союз не имеет общей энергетической стратегии, в связи с этим разные подходы и стратегии развития энергетического сектора в странах-членах ЕС приводят к противоречиям как внутри самого Союза, так и в отношении с внешними энергетическими партнерами [4]. Как отмечает исследователь, во многом это связано с тем, что страны Евросоюза обладают разным запасом энергетических ресурсов, что порождает их большую или меньшую зависимость от политических отношений со странами-экспортерами. Ярчайшим примером противоречий отдельных стран относительно вектора развития энергетической политики Евросоюза являются переговоры

по поводу реализации транснациональных инфраструктурных энергетических проектов: во время обсуждения строительства «Северного потока» Польша и страны Прибалтики, вступившие в Евросоюз в 2004 г., существенно «тормозили» принятие решения о реализации проекта, в то время как Германия являлась одним из главных его сторонников и основным партнером РФ [23].

Проблема энергетической зависимости стран Евросоюза от РФ приобрела особую актуальность в начале XXI в. и, начиная с середины 2000-х гг., стала одним из основных вопросов повестки европейских политиков небезосновательно. Согласно данным Евростата, с 2000-х гг. энергетическая зависимость европейских стран от экспорта энергоресурсов постоянно увеличивалась (в 2000 г. общая энергетическая зависимость составляла 46,7 %, в 2010 г. увеличилась до 52,7 %) [26]. При этом экспорт природного газа через «Газпром экспорт» также существенно увеличился: с 130,3 млрд м³ в 2000 г. до 192,2 млрд м³ в 2017 г. [13].

Зависимость большинства стран Европейского союза от российского газа вызывала некоторую обеспокоенность у Европейской комиссии. Тем не менее в начале 2000-х гг. образ России как надежного энергетического партнера для Европы начал коренным образом меняться под влиянием энергетических кризисов между РФ и странами бывшего СССР, в первую очередь Украиной. По подсчетам Европейской комиссии, к 2011 г. около 80 % поставок газа в Евросоюз проходило через территорию Украины, в связи с чем первый газовый конфликт с РФ в 2006 г. привел к подрыву энергетической безопасности в Венгрии, Словакии, Румынии, Польше, Австрии [24]. Следующий российско-украинский газовый конфликт (2009), по мнению исследователей, окончательно подтвердил опасность энергетической зависимости от одного крупного поставщика энергоресурсов и послужил поводом к пересмотру стратегии развития энергетических отношений с Россией [25].

По нашему мнению, именно политические и энергетические конфликты РФ со странами бывшего СССР, зависящими от экспорта российского газа, стали ключевым катализатором расхождения стратегий энергетической политики Евросоюза и РФ. Мы убеждены, что под влиянием данных конфликтов Европейская комиссия существенно изменила вектор внешней и энергетической политики Евросоюза и предприняла меры по снижению роли РФ в обеспечении энергетических потребностей Европы. Кроме того, Европейская комиссия занялась законодательным регулированием энергетических отношений между странами экспортёрами и импортерами, установила порядок работы на внутреннем энергетическом рынке Европейского Союза. Не способствовала улучшению имиджа России в глазах европейских политиков и стратегия развития внешней политики РФ, ориентированной на использование энергетических ресурсов в качестве одного из основных инструментов влияния, что нашло отражение в «Энергетической стратегии России на период до 2020 и 2030 годов» [10].

Одним из важнейших последствий энергетических кризисов и примером расхождения стратегий развития энергетической политики считаем принятие Третьего пакета внутреннего энергетического рынка (2009), обязывающего вертикально-интегрированные энергетические компании разделить бизнес по добыче и транспортировке энергоносителей, а также предоставить доступ к газотранспортным сетям третьей стороне [22].

Согласно п. 20 ст. 2 Третьей газовой директивы, российская государственная компания «Газпром» является вертикально-интегрированным предприятием, следовательно, на территории европейских государств на нее должны распространяться нормы европейского законодательства [28]. В связи с тем, что компания является крупнейшим игроком на европейском газовом рынке и ей принадлежат доли в компаниях, занимающихся транспортировкой и распределением газа, «Газпром» абсолютно

не заинтересован в условиях Третьего энергопакета, согласно которым ему необходимо выбрать из трех возможных вариантов «разделения» [22]. Помимо этого «Газпром» должен обеспечить 50 % резервной мощности пропускной способности трубопровода для любой третьей стороны.

Официальная позиция российской стороны и позиция «Газпрома» относительно нововведений Третьего энергопакета категорично негативная. В. В. Путин неоднократно называл Третий энергопакет по сути «конфискацией имущества» и «вредным проектом», а его меры «несправедливым регуляторным решением и регуляторными ограничениями, из-за которых в первую очередь страдают сами потребители» [7]. Д. А. Медведев отметил, что Третий энергопакет создает напряжение и проблемы в отношениях между РФ и ЕС. По мнению бывшего первого заместителя министра финансов А. П. Вавилова, требования Третьего энергопакета ставят под угрозу возможность «Газпрома» полностью исполнять обязательства в рамках договоров на поставку газа, а также негативно скажутся на гибкости поставок и возможности дальнейшего развития экспортных способностей и инфраструктур [28]. Российская сторона объясняет дискриминационный характер мер Третьего энергопакета по отношению к РФ тем, что его действия имеет обратную силу, т. е. юрисдикция распространяется на уже развитые странами-производителями газа затратные инфраструктуры и завершенные проекты, что лишает страны-экспортёры уверенности в положении своих инвестиций. В конечном счете это будет тормозить развитие газовой отрасли [12].

Как утверждает представитель Европарламента, политолог П. Де Микко, «Газпром» напрямую связывает нормы Третьего энергопакета с желанием ЕС ослабить позиции компаний, так как она остается главным поставщиком трубопроводного газа в страны Европейского союза. Так, хотя российской стороне удалось добиться исключения для «Северного потока», проект «Южный поток» был заморожен в

связи с невозможностью достигнуть договоренности относительно неприменения норм Третьего энергетического пакета на него [1]. «Газпром» категорически отказывался предоставить доступ к сети «третьей стороне», а также был не согласен относительно невозможности монопольного владения как транспортирующей газ сетью, так и транспортируемым газом [20]. Более того, в 2014 г. Россия подала иск во Всемирную торговую организацию относительно норм Третьего энергопакета Евросоюза, утверждая, что они противоречат нормам ВТО [21]. Еврокомиссия ответила расследованием против Российской Федерации в 2015 г. за неприменение правил конкуренции Евросоюза в отношении газового рынка Центральной и Восточной Европы по трем направлениям: во-первых, путем создания препятствий к свободному потоку газа между европейскими странами, во-вторых, путем препятствования диверсификации поставок газа, в-третьих, путем установления несправедливо завышенных цен на газ [16].

Иной точки зрения относительно Третьего энергопакета придерживаются представители Европейского союза, которые не видят дискриминации и политизированности его норм: бывший председатель Еврокомиссии Ж. Баррозу опровергнул желание ухудшить положение российской компании на европейском рынке и подчеркнул стремление Евросоюза способствовать дальнейшей либерализации, прозрачности и конкурентоспособности европейского энергетического рынка [8]. Канцлер Германии А. Меркель отметила, что в ходе длительных переговоров по развитию энергетики Европейского союза Третий энергопакет явился компромиссным вариантом, удовлетворяющим все стороны [12].

Мы согласны с мнением большинства ученых, что основная проблема относительно Третьего энергопакета – это кардинальное различие моделей регулирования газового рынка и места в нем вертикально-интегрированных компаний, к которому стремится Евросоюз и которого придерживается Россия [19]. Россия заинтересована в гарантии спроса на углеводороды, кото-

рая обеспечивается долгосрочными газовыми контрактами европейских компаний с «Газпромом» [17]. Тем не менее, как поясняет заместитель директора Центра европейских реформ К. Барыш, данная система становится невыгодной для европейских энергетических концернов, так как в результате повышения цен на нефть цена на газ по контрактам может стать несравненно дороже по сравнению с ценой на спотовых рынках, доступ к которым в результате либерализации получили более мелкие компании [Там же].

Другим принципиальным вопросом расхождения российской энергетической политики с европейской мы считаем выход России из временного применения важнейшего энергетического документа Европейского союза – Договора к Энергетической хартии (ДЭХ) после газовых кризисов с Украиной.

Как отмечают исследователи, с 90-х гг. XX в. Еврокомиссия стремилась повысить энергетическую безопасность путем распространения законодательства ЕС на другие страны, например, посредством заключения международных энергетических договоров и соглашений [25]. Важнейшим из них можно называть Договор к Энергетической хартии (ДЭХ), посвященный вопросам доступа к рынкам для поставок и транзита и управление им.

Существуют разные точки зрения относительно объективной обоснованности и полезности для России ратификации ДЭХ: большинство ученых и официальных представителей российской стороны сходится во мнении, что для Российской Федерации как страны-экспортера ратификация невыгодна. По мнению президента В. В. Путина, в ходе первого российско-украинского газового кризиса обнаружились серьезные проблемы в важнейшем энергетическом документе Европейского союза: по словам президента, «выгоды от ратификации Энергетической хартии для России не вполне ясны». Президент задавался вопросом, «что получит взамен РФ, предоставив доступ к своим месторождениям и трубопроводам третьим лицам (странам), в то вре-

мя как у других стран нет трубопроводов и месторождений» [3]. Данная оценка положений ДЭХ, по мнению профессора международных отношений П. Аалто, является закономерной для крупных производителей ископаемого топлива с характерной сильной ролью государства в энергетической политике: конкуренция и диверсификация на газовом рынке, которые призван обеспечить ДЭХ, диктует рассмотрение интересов стран-производителей, потребителей и транзитеров газа на более или менее равных условиях. Это, безусловно, не совсем отвечает ожиданиям стран-экспортёров [14].

В ходе второго российско-украинского газового кризиса в 2009 г. российское руководство заявило о неспособности механизмов ДЭХ обеспечить соблюдение его положений, а также эффективно реагировать на новые вызовы международной энергетической безопасности и стабильности энергетических рынков [6]. Д. А. Медведев заявил, что интересы продавцов не защищаются Энергетической хартией. С ним согласился глава Газпрома А. Миллер, подчеркнув, что механизм Энергетической хартии даёт серьёзный сбой в условиях газового кризиса [2]. Кроме того, российские власти неоднократно настаивали на неучастии Российской Федерации в ДЭХ с целью подчеркнуть, что его юрисдикция не распространяется на Россию (данный вопрос вновь получил актуальность в связи с решением постоянного третейского суда в Гааге по регламенту международного арбитража ЮНИСТРАЛ по иску «ЮКОСа» против РФ). В связи с этим, после продолжительной критики, 20 октября 2009 г. Россия вышла из временного применения ДЭХ, получив статус страны, подписавшей, но не ратифицировавшей ДЭХ [9].

Некоторые российские исследователи (например, Т. А. Романова) выделяют следующие проблемы для России, связанные с ратификацией ДЭХ: во-первых, ДЭХ не всегда учитывает интересы России как поставщика газа; во-вторых, механизмы ДЭХ не были способны разрешить кризисы в 2006 и 2009 гг., связанные с транзитом газа через Украину, являющуюся членом

ДЭХ; в-третьих, согласно договору, страны Евросоюза могут применить оговорку ВТО о региональной интеграции, влекущую за собой примат внутреннего законодательства на территории своего государства, а не норм ДЭХ; в-четвертых, ДЭХ открывает возможность для подачи исков против России иностранными инвесторами (например, инвесторам ЮКОСа) [11].

Другая группа исследователей (А. Конопляник, П. Аалто, Д. Дюссолт, М. Кеннеди) полагает, что неучастие РФ в ДЭХ обусловлено рядом субъективных и, как утверждает А. Конопляник, зачастую противоречащих тексту самого Договора к Энергетической хартии причин [15]. Он полагает, что, во-первых, из положений ДЭХ не следует обязанность предоставлять транзит для третьей стороны; во-вторых, ДЭХ не создает препятствий к заключению долгосрочных контрактов; в-третьих, ДЭХ не предписывает странам-участницам обязательное предоставление доступа к инфраструктуре газа для третьей стороны.

На наш взгляд, нельзя рассматривать ДЭХ в отрыве от принципов и стратегии развития энергетической политики Евросоюза, основной целью которой является обеспечение недискриминационных условий для торговли энергоносителями и гарантия их надежного трансграничного транзита [27]. В связи с этим, как отмечает П. Аалто, суверенитет каждого государства над его энергетическими ресурсами и права на регулирование передачи и транспортировки энергии на его территории всегда будет условным, так как Хартия стимулирует конкуренцию и рыночные интересы наряду с совместимостью национальных и региональных энергетических систем и созданием общего энергетического пространства [14].

Таким образом, в целом стратегия развития энергетической политики РФ с ее приверженностью к сложившейся бизнес-модели с сохранением одного крупного поставщика вступает в противоречие с новой стратегией и моделью построения энергетического сотрудничества Европейского союза, предлагающих большую прозрачность, повышение конкуренции на рынке и

его либерализацию [5]. В связи с этим существенно изменилось положение России на энергетическом рынке Евросоюза. Если в начале 2000-х гг. Российская Федерация признавалась ключевым стратегическим партнером ЕС, а совместные инфраструктурные проекты реализовывались на особых условиях для российской стороны (например, «Северный поток» получил статус трансевропейской транспортной сети и приоритетного проекта, отвечающего интересам Европы, что обусловило отсутствие доступа третьих лиц к газотранспортной системе), то в середине 2000-х гг., особенно после второго российско-украинского газового кризиса, Еврокомиссия предпринимает шаги по расширению своих регулирующих полномочий на внутреннем энергетическом рынке и стремится к созданию общего интегрированного европейского рынка, в котором будут диверсифицированы поставщики и источники ресурсов с отсутствием привилегий для отдельных сторон [25]. В решении Еврокомиссии также прослеживается желание отойти от бизнес-модели, построенной на долгосрочных

газовых контрактах с расчетом цены, исходя из нефтяной привязки, которой придерживается Россия [29].

Заключение. Таким образом, анализ стратегии энергетического развития Российской Федерации и Евросоюза на примере некоторых мер Еврокомиссии и законодательных актов позволяет говорить о безусловном расхождении энергетической политики европейских стран и России. Во многом это спровоцировано внешнеполитическим контекстом, изменением бизнес-моделей и роли России в понимании европейских партнеров: в начале 2000-х гг. Российская Федерация воспринималась как гарант европейской энергетической безопасности. Тем не менее первые российско-украинские газовые кризисы (2006, 2009) и развитие внутренней и внешней политики в отрыве от европейских институтов и бизнес-моделей трансформировал образ России в страну, которая может угрожать энергетической безопасности Евросоюза и использовать свои энергетические ресурсы в качестве инструмента влияния на внешнюю политику.

Список литературы

1. Бочкарев Д. Либерализация экспорта и будущее России на мировых газовых рынках [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=2166#top-content (дата обращения: 20.05.2018).
2. Встреча Президента РФ с председателем правления компании «Газпром» Алексеем Миллером [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49740> (дата обращения: 22.05.2018).
3. Интервью Президента РФ телеканалу ЦДФ (Германия) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23703> (дата обращения: 14.04.2018).
4. Матвеев И. Н. Сотрудничество Российской Федерации и Евросоюза в сфере энергетики в конце XX – начале XXI века // Власть. 2014. № 4. С. 122–126.
5. Мигалева Т., Пакин А. Стратегии России и ЕС на современном этапе в газовой сфере // Управление экономическими системами. 2016. № 11.
6. Ответ официального представителя МИД России А. А. Нестеренко на вопрос СМИ относительно решения России не становиться участником Договора к Энергетической хартии [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/ (дата обращения: 20.05.2018).
7. Пресс-конференция Президента РФ по итогам рабочего заседания глав государств и правительства стран – участниц Форума стран-экспортеров газа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/18441> (дата обращения: 12.05.2018).
8. Пресс-конференция по итогам встречи правительства России – Еврокомиссии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russianmission.eu/ru/press-konferentsiya> (дата обращения: 09.06.2018).
9. Пресс-конференция по итогам саммита Россия – Евросоюз, Хабаровск, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/4172> (дата обращения: 11.06.2018).

10. Распоряжение Правительства РФ «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года»: 13 нояб. 2009 г. № 1715-р [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94054/ (дата обращения: 07.04.2018).
11. Романова Т. А. Институциональные аспекты диалога России и Европейского Союза: через диверсификацию к примитивизации? (на примере энергетических отношений) // Вестник СПбГУ. 2015. № 1. С. 65–76.
12. Совместная пресс-конференция по итогам российско-германских межгосударственных консультаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/16852> (дата обращения: 17.05.2018).
13. Статистика поставок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gazpromexport.ru/statistics/> (дата обращения: 11.06.2018).
14. Aalto P. The new International Energy Charter: instrumental or incremental progress in governance? // Energy Research & Social Science. 2016. Vol. 11. P. 92–96.
15. Aalto P., Dusseault D., Kennedy M. D., Kivinen M. Russia's energy relations in the East and West: towards a social structurationist approach to energy policy formation // Journal of international relations and development. 2014. Vol. 17. No. 1. P. 1–29.
16. Antitrust: Commission sends Statement of objections to Gazprom for alleged abuse of dominance on Central and Eastern European gas supply markets [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.europa.eu/rapid/press-release_IP-15-4828_en.htm (дата обращения: 17.05.2018).
17. Barysch K. The EU and Russia: all smiles and no action? [Электронный ресурс] // Centre for European Reform. Режим доступа: https://www.cer.eu/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/pb_russia_april11-157 (дата обращения: 23.06.2018).
18. Behrens C. E. Energy policy for Europe: identifying the European Added-Value // Centre for European Policy Studies. Brussels, 2008.
19. Boussen S., Locatelli C. Energy institutional and organisational changes in EU and Russia: Revisiting gas relations // Energy Policy. 2013. Vol. 55. P. 180–189.
20. De Micco P. Changing pipelines, shifting strategies: gas in south-eastern Europe and the implication for Ukraine. Directorate-general for external policies. European Parliament. Brussels, 2015.
21. Dispute DS476. European Union and its member states – certain measures relating to the energy sector, 2015 [Электронный ресурс] // The official website of the World trade organisation. Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds476_e.htm (дата обращения: 17.05.2018).
22. Energy Package gets final approval from MEPs [Электронный ресурс] // Official website of the European Parliament. Режим доступа: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+IM-> (дата обращения: 08.05.2018).
23. Hamilton D. S. The Baltics: still punching above their weight // Current history. 2008. Vol. 107. P. 120.
24. Laca P. Slovakia wants EU united for gas cut compensation // Reuters. 2009. 19 January.
25. Maltby T. European Union energy policy integration: a case of European Commission policy entrepreneurship and increasing supranationalism // Energy Policy. 2013. Vol. 55. P. 435–444.
26. Natural Gas Consumption Statistics [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/natural_gas_consumption_statistic (дата обращения: 17.05.2018).
27. The International Energy Charter and consolidated energy charter treaty with related documents [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECTC-en.pdf> (дата обращения: 20.05.2018).
28. Vavilov А., Kovalishina G., Trofimov C. The new export routes and Gazprom's strategic opportunities in Europe // Gazprom. London, 2015. P. 180–217.
29. Wood S. Europe's energy politics // Journal of contemporary European studies. 2010. No. 3. P. 307–322.

References

1. Bochkarev D. *Liberalizatsiya eksporta i budushchee Rossii na mirovykh gazovyh rynkakh* (Export Liberalization and Russia's Future in World Gas Markets). Available at: http://www.russiangouncil.ru/inner/?id_4=2166#top-content (Date of access: 20.05.2018).
2. *Vstrecha Prezidenta RF s predsedatelem pravleniya kompanii «Gazprom» Alekseem Millerom* (Meeting of the President of the Russian Federation with Alexey Miller, Chairman of the Board of Gazprom). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49740> (Date of access: 22.05.2018).
3. *Intervyu Prezidenta RF telekanalu CDF (Germaniya)* (Interview of the President of the Russian Federation to the TsDF television channel (Germany)). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23703> (Date of access: 14.04.2018).

4. Matveev I. N. *Vlast (Power)*, 2014, no. 4, pp. 122–126.
5. Migaleva T., Pakin A. *Upravlenie ekonomiceskimi sistemami* (Management of economic systems), 2016, no.11.
6. *Otvet ofitsialnogo predstavitelya MID Rossii A. A. Nesterenko na vopros SMI otносительно решения России не стать членом Договора о Енергетической хартии* (The answer of the official representative of the Ministry of Foreign Affairs of Russia A. A. Nesterenko to a media question regarding the decision of Russia not to become a party to the Energy Charter Treaty): Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Available at: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/- (Date of access: 20.05.2018).
7. *Press-konferentsiya Prezidenta RF po itogam rabocheego zasedaniya glav gosudarstv i pravitelstv stran – uchastnikov Forum stran-eksportyrov gaza* (Press conference of the President of the Russian Federation on the results of the working meeting of the heads of state and government of the countries participating in the Gas Exporting Countries Forum). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/18441> (Date of access: 12.05.2018).
8. *Press-konferentsiya po itogam vstrechi pravitelstva Rossii – Eurokomissii* (Press conference following the meeting of the Russian government – the European Commission). Available at: <http://www.russianmission.eu/ru/press-konferentsiya> (Date of access: 09.06.2018).
9. *Press-konferentsiya po itogam sammita Rossiya – Evrosoyuz, Khabarovsk, 2009* (Press conference following the Russia–EU summit, Khabarovsk, 2009). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/4172> (Date of access: 11.06.2018).
10. *Rasporyazhenie Pravitelstva RF “Ob Energeticheskoy strategii Rossii na period do 2030 goda”*: 13 noyab. 2009 g. № 1715-р (Order of the Government of the Russian Federation “On the Energy Strategy of Russia for the Period until 2030”: nov. 13 2009 № 1715-p): Consultant Plus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94054/ (Date of access: 07.04.2018).
11. Romanova T. A. *Vestnik SPbGU* (SPbSU Bulletin), 2015, no.1, pp. 65–76.
12. *Sovmestnaya press-konferentsiya po itogam rossiysko-germanskih mezhdunarodnyh konsultatsiy* (Joint press conference following Russian-German interstate consultations). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/16852> (Date of access: 17.05.2018).
13. *Statistika postavok* (Supply statistics). Available at: <http://www.gazpromexport.ru/statistics/> (Date of access: 11.06.2018).
14. Aalto P. *Energy Research & Social Science* (Energy Research & Social Science), 2016, vol. 11, pp. 92–96.
15. Aalto P., Dusseault D., Kennedy M. D., Kivinen M. *Journal of international relations and development* (Journal of international relations and development), 2014, vol. 17, no. 1, pp. 1–29.
16. *Antitrust: Commission sends Statement of objections to Gazprom for alleged abuse of dominance on Central and Eastern European gas supply markets* (Antitrust: Commission sends Statement of objections to Gazprom for alleged abuse of dominance on Central and Eastern European gas supply markets). Available at: http://www.europa.eu/rapid/press-release_IP-15-4828_en.htm (Date of access: 17.05.2018).
17. Barysch K. *The EU and Russia: all smiles and no action?* (The EU and Russia: all smiles and no action?): Centre for European Reform. Available at: https://www.cer.eu/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/pb_russia_april11-157 (Date of access: 23.06.2018).
18. Behrens C. E. *Centre for European Policy Studies* (Centre for European Policy Studies), Brussels, 2008.
19. Boussen S., Locatelli C. *Energy Policy* (Energy Policy), 2013, vol. 55, pp. 180–189.
20. De Micco P. *Changing pipelines, shifting strategies: gas in south-eastern Europe and the implication for Ukraine. Directorate-general for external policies. European Parliament* (Changing pipelines, shifting strategies: gas in south-eastern Europe and the implication for Ukraine. Directorate-general for external policies. European Parliament). Brussels, 2015.
21. *Dispute DS476. European Union and its member states – certain measures relating to the energy sector, 2015* (Dispute DS476. European Union and its member states – certain measures relating to the energy sector, 2015): The official website of the World trade organisation. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds476_e.htm (Date of access: 17.05.2018).
22. *Energy Package gets final approval from MEPs* (Energy Package gets final approval from MEPs): Official website of the European Parliament. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TM-> (Date of access: 08.05.2018).
23. Hamilton D. S *Current history* (Current history), 2008, vol. 107, pp. 120.
24. Laca P. *Reuters* (Reuters), 2009, 19 January.
25. Maltby T. *Energy Policy* (Energy Policy), 2013, vol. 55, pp. 435–444.
26. *Natural Gas Consumption Statistics* (Natural Gas Consumption Statistics). Available at: http://www.epp.eurostat.ec.europa.eu/statistics_explained/index.php/natural_gas_consumption_statistics (Date of access: 17.05.2018).

27. *The International Energy Charter and consolidated energy charter treaty with related documents* (International Energy Charter and Consolidated Energy Charter). Available at: <http://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Legal/ECTC-en.pdf> (Date of access: 20.05.2018).

28. Vavilov A., Kovalishina G., Trofimov G. *Gazprom* (Gazprom), London, 2015, pp. 180–217.

29. Wood S. *Journal of contemporary European studies* (Journal of contemporary European studies), 2010, no. 3, pp. 307–322.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Друэ Мария Владимировна, аспирант, кафедра теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия. Область научных интересов: международная политика, энергетическая политика, российско-немецкие отношения, газовый сектор, европейская энергетическая политика, экспортная политика

m.v.mariya@yandex.ru

Maria Druez, postgraduate, theoretical and applied political science department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. Sphere of scientific interests: international politics, energy policy, Russian-German relations, gas sector, European energy policy, export policy

Образец цитирования

Друэ М. В. Расхождение стратегий энергетического развития РФ и Евросоюза начиная с середины 2000-х гг. под влиянием российско-украинских газовых кризисов // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2018. Т. 24. № 8. С. 76–85. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-8-76-85.

Druez M. Discrepancy of strategies between the energy development strategies of the Russian Federation and the European Union beginning since the mid-2000s under the influence of russian-ukrainian gas crises // Transbaikal State University Journal, 2018, vol. 24, no. 8, pp. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-8-76-85.

Статья поступила в редакцию: 21.06.2018 г.
Статья принята к публикации: 15.10.2018 г.

